

Лившиц Бенедикт Константинович

Полутораглазый стрелец

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б46

Б46 **Бенедикт Константинович Л.**
Полутораглазый стрелец / Лившиц Бенедикт Константинович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 300 с.

ISBN 978-5-519-93454-1

ISBN 978-5-519-93454-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О МЕМУАРАХ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

1

История русского футуризма еще не написана. Не написана прежде всего потому, что, разрастаясь и видоизменяясь, футуризм не потерял значения и для сегодняшних литературных споров. Изучение футуризма не есть только историческая задача. Это есть изучение ряда явлений сегодняшней литературы в историческом разрезе, через их истоки, через историю.

Мемуары Бенедикта Лившица представляют собой первый опыт систематического изложения принципиальной истории футуризма.

Их задача — показать те идеи, которые лежали в основе футуристической теории и практики, показать идеологию и эстетику раннего футуризма.

Эта задача определила самый «жанр» мемуаров. Это — мемуары «теоретические».

Отдельные страницы книги производят впечатление не столько воспоминаний, сколько исследовательской работы по восстановлению литературного прошлого.

Мемуарный «жанр» в отдельных частях книги кажется псевдонимом «жанра» исследовательского.

Теперь, в качестве историка футуризма, Бенедикт Лившиц занимает позицию, отличную от той, которую он занимал в качестве поэта и теоретика футуризма:

«В основу футуристической эстетики, — пишет он, — было положено порочное представление о расовом характере искусства. Последовательное развитие этих взглядов привело Маринетти к фашизму. В своем восторженном русском будничестве никогда не заходили так далеко, однако, и они не вполне свободны от упрека в националистических вожделениях.

Показывать несостоятельность расовой теории в наши дни уже нет никакого смысла. Но в плане ретроспективном я счел бесполезным вскрыть и эти политические предпосылки ошибочной эстетики, в образовании которой я принимал непосредственное участие. И в той степени, в какой Бенедикт Лившиц смотрит на свое прошлое глазами своего изменившегося литературного сознания, — в той степени его мемуары являются, я бы сказал, документом самокритическим.

Каково же содержание той концентрации русского футуризма, которую мы находим в мемуарах Бенедикта Лившица?

Мемуары охватывают период с 1911 по 1914 год.

Начинался русский футуризм прежде всего как революция «живописная». В своих мемуарах Бенедикт Лившиц показывает те формальные принципы, которые были провозглашены Бурлюками как принципы нового художественного видения, показывает, в какой степени искания Хлебникова в поэзии связаны с эстетикой бурлюкизма в живописи, с русским «живописным» кубизмом, с «бубноволетчиками». Показывает, что и работа Бенедикта Лившица, как и работа Хлебникова, была развитием в поэзии целого ряда принципов, уже провозглашенных новой живописью, принципов, восходящих к Пикассо, Браку, Леже.

Бенедикт Лившиц, поэт и теоретик раннего футуризма, был в футуризме особенно близко связан с группой «Гилея», с Бурлюками.

Бурлюки ценили Бенедикта Лившица прежде всего как знатока французской поэзии и французской поэтической культуры.

В своих стихах Бенедикт Лившиц пытался сочетать поэтику Рембо и Малларме, поэтику «проклятых поэтов»: Тристиана Корбьера и Мориса Роллина с канонами авангардной французской живописи.

Создавалась своеобразная поэтическая система, промежуточная между русским кубизмом и несколько позднее появившимся акмеизмом, система с мнимым мифологизмом мышления. Мнимый мифологизм находил опору в специфической системе движения поэтической мысли, в таком строении ассоциативной цепи, при котором из нее выпадают некоторые промежуточные звенья.

Это создавало иллюзию «зауми», требующей для понимания мысли автора понимания самого характера движения мысли в его лирике. Вот стихи Бенедикта Лившица:

Уже непонятны становятся мне голоса
Моих современников. Крови все глуше удары
Под толщею слова. Чуть-чуть накренишь небеса, —
И ты перешлещешься в рокот гавайской гитары.

Ты сумеречной изойдешь воркотней голубей
И даже ко мне постучишься угодливой сводней,
Но я ничего, ничего не узнаю в тебе,
Что было недавно и громом и славой господней.

И, выпав из времени, заживо окостенев
Над полом чужим, где не мне суждено потрудиться,
Ты пугалом птичьим раскроешь свой высохший зев,
Последняя памяти тяжеловесной зарница...

Чуть-чуть накренишь эти близкие к нам небеса,
И целого мира сейчас обнажатся устои,
Но как заглушу я чудовищных звезд голоса
И воем гитары заполню пространство пустое?

Нет, музыки сфер мы не в силах ничем побороть,
И, рокоту голубя даже внимать не умея,

И тяжбу с тобою за истины чорствый ломоть
Оплоть уношу в сопредельные странствия, Гей.

3

Русский футуризм представляет собой явление в высшей степени сложное, противоречивое и широкое, с самыми разнообразными потенциями развития этих противоречий, с индивидуальной судьбой вождей, по покрываемой характером движения, часто с более широкими задачами, чем те, которые были сформулированы в самом движении.

Группа «Гилея» была основным ядром футуристического движения до 1914 года, была группой, исторически победившей, литературно-историческая роль которой была исчерпана в 1914 году. Именно потому, что с 1914 года движение существенно начало изменяться, Бенедикт Лившиц и полагает, что русский футуризм закончился в 1914 году.

«Русский футуризм, — пишет он, — умер без наследников. Всякие попытки представить ЛЕФ продолжателем дела футуризма рождены смещением понятий. Малковский — не довод. Аргументировать его биографией нельзя, так как к революции он пришел помимо футуризма, если не вопреки ему. Уже в шестнадцатом году «Облако» Маяковского разгуливало в штанах его собственного покроя, а не в детских трусиках футуризма».

Все это нужно иметь в виду для того, чтобы понимать, в чем сильная сторона той концепции футуризма, которую содержат мемуары Бенедикта Лившица и в чем ограниченность этой концепции.

4

«В основу футуристической эстетики, — говорит Бенедикт Лившиц (я уже цитировал это его утверждение), — было положено порочное представление о расовом характере искусства».

В Италии футуризм растворился в фашизме.

Наш футуризм имеет непохожую на своего латинского собрата судьбу.

«Западный» национализм Маринетти был встречен русскими футуристами враждебно. Враждебно отнеслись русские футуристы и к определенно империалистическому характеру докладов и манифестов Маринетти.

Но, конечно, по существу, самая эта враждебность русских футуристов к Маринетти, особенно ясно сказавшаяся во время приезда Маринетти в Россию в 1914 году, в своей основе представляла оборотную сторону того же национализма.

Книга Бенедикта Лившица и охватывает в истории футуризма как раз весь тот материал, который так или иначе связан именно с этими идеалистическо-националистическими основами футуристической эстетики.

Центральной фигурой русского футуризма для Бенедикта Лившица

является Хлебников. Бенедикт Лившиц показывает филологические эксперименты Хлебникова над оживленным дремлющим в слове смыслом, над «воскрешением» слов, показывает всю «корнесловную» работу Хлебникова, сыгравшую огромную роль в развитии поэзии последующих лет, показывает как совершенно отчетливую «частность» общей националистическо-идеалистической эстетики футуризма. Вся «славящина» Хлебникова, все его тяготения к древней истории России и к русскому XVIII веку есть выражение все тех же основ Хлебниковского мировоззрения, основ, находящихся свое выражение и в расовой теории.

Если Хлебников писал: «смерящина» или «губирь», то эта работа — не самодовлеющее экспериментаторство, а глубокие попытки прозрения в те законы русского языка, которые находят свое выражение и в строении слова. Вопрос о Хлебниковской работе над языком ничего общего с вопросом о «зауми» — о глоссолалии — не имеет. Хлебниковская работа над языком глубоко семасиологична. В ней, подчеркиваю еще раз, находят закономерное выражение те общие эстетические принципы, которые были основами вообще всей Хлебниковской поэтической работы.

5

Однако в футуризме же, наряду с националистическо-идеалистической эстетикой, характерной для группы «Гилея», лежит (отчасти даже и в самом Хлебниковском мировоззрении) и то мелкобуржуазное антикапиталистическое бунтарство, которое заставляло отдельных футуристов (Маяковский, Хлебников и др.) приветствовать революцию.

Русский футуризм как движение складывался в 1910 — 1911 году. С лета 1910 года начинается новое обострение борьбы рабочего класса «русский народ (подчеркнуто мною. П. В.)... идет навстречу новой революции» (Ленин. Начало демонстраций. Собр. соч., т. XIV, стр. 393).

Именно новая общественная обстановка, выражавшая собой нарастание революционной борьбы в условиях послестолыпинской России, и была той идейной средой, в которой складывался русский футуризм.

И, обращаясь к футуризму, к вопросу о социальном, классовом содержании идеологии футуризма, нужно отметить следующее принципиальное обстоятельство, на которое Ленин указывал в своей оценке народничества.

Народничество, объективно выражавшее революционную борьбу крестьянства, угнетаемого феодальными пережитками и попытками «капитализировать» его по «прусскому» конюшечному образцу, выражало свое недовольство существующим строем созданием субъективистских концепций исторического развития и реакционным социал утопизмом.

Бенедикт Лившиц не учитывает противоречивой природы мелкобуржуазного идейного движения, — природы, при которой часто революционная «практика» мелкобуржуазного движения имеет реакционное идейное выражение.

Объяснять основы всего русского футуризма расовой теорией, националистическим «востоколюбием» — это значит не поставить в полный рост вопроса о содержании футуризма как большого исторического движения, вопроса о революционных потенциях футуризма.

Между тем, янгилитический «писаревский» утилитаризм в эстетике ЛЕФа, ЛЕФовское учение о «лабораториях поэтической работы» и даже теория и практика конструктивистов, — все это не может быть понято вне истории футуризма.

Поэтому-то путь Маяковского в футуризме кажется Бенедикту Лившицу случайностью, поэтому он пишет о «детских трюсиках» футуризма.

Ошибка здесь не только в том, что умалена роль футуризма и даже группы «Гилея» для творчества Маяковского, но и в том, что не показано, что, по существу, Маяковский был такой же большой стороной движения, как и то крыло, к которому принадлежал и Бенедикт Лившиц, но и в том, что не вскрыта социальная природа больших противоречий внутри футуризма.

Цезарь Вольпе

ПОЛУТОРАГЛАЗЫЙ СТРЕЛЕЦ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Было бы тягостным недоразумением и шло бы вразрез с прямыми намерениями автора, если бы полемика с прошлым и о прошлом, проходящая через эту книгу, была истолкована как желание оживить литературное движение, скончавшееся ровным счетом восемнадцать лет назад.

Русский футуризм (термин, как явствует из дальнейшего, можно пользоваться лишь условно) умер без наследников. Всякие попытки представить ЛЕФ продолжателем дела футуризма порождены смещением понятий, механически переносимых из области политики в область искусства. На всем протяжении этой книги слова «левое» и «правое» применительно к последнему взяты в предостерегающие кавычки, поскольку, позаимствовав множество вещей у Запада, мы пренебрегли мудрой опротивостью его терминологии.

Маяковский — не довод: аргументировать его биографией нельзя, так как к революции он пришел помимо футуризма, если не вопреки ему. Уже в шестнадцатом году «Облако» Маяковского разгуливало в штанах его собственного покроя, а не в детских трусиках футуризма.

В основу футуристической эстетики было положено порочное представление о расовом характере искусства. Последовательное развитие этих взглядов привело Маринетти к фашизму. В своем восторженном русском будничестве никогда не заходили так далеко, однако и они не вполне свободны от упрека в папоналистических вожделениях.

Доказывать несостоятельность расовой теории в наши дни уже нет никакого смысла. Но в плане ретроспективном я сочел небесполезным вскрыть и эти политические предпосылки ошибочной эстетики, в образовании которой я принимал непосредственное участие.

Глава первая

ГИЛЕЯ

I

Та полоса моей жизни, о которой я хочу рассказать, началась в декабре одиннадцатого года, в маленькой студенческой комнате с окном, глядевшим на незастроенный Печерск. Мои университетские дела были сильно запущены: через пять месяцев мне предстояло держать государственные экзамены, а между тем о некоторых предметах я имел еще весьма смутное представление, так как ничем, кроме римского права и отчасти гражданского, не занимался. В ту пору у меня были все основания считать себя сложившимся поэтом: около года как вышла из печати «Флейта Марсия», за которую Брюсов не побоялся выдать мне патент в «мастерстве»; около года как, покончив с этапом, нашедшим себе выражению во «Флейте», я терзался поисками новой формы, резко отличной от всего, что я делал. И все же, полностью захваченный работой над стихом, живя по-настоящему только литературными интересами, я не допускал мысли, что это может стать моей профессией, и продолжал, правда, чрезвычайно медленно, двигаться по рельсам, на которые попал еще в девятьсот пятом году, поступив на юридический факультет.

Однажды вечером, когда я уже собирался лечь в постель, ко мне в дверь неожиданно постучалась Александра Экстер. Она была не одна. Вслед за нею в комнату ввалился высокого роста плотный мужчина в широком, по тогдашней моде, драповом, с длинным ворсом, пальто. На вид вошедшему было лет тридцать, но чрезмерная мешковатость фигуры и какая-то, казалось, нарочитая неуклюжесть движений сбивали всякое представление о возрасте. Протянув мне непропорционально малую руку со слишком короткими пальцами, он назвал себя: